

Зарубежная философия.
Современный взгляд

**ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ В ФИЛОСОФСКО-
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ
В. ФОН ГУМБОЛЬДТА И Х. ШТАЙНТАЛЯ**

Е.К. РОМАНЕНКО

Развитие так называемого лингвистического релятивизма в немецком философском языкознании XIX – XX вв. связано прежде всего с именами В. фон Гумбольдта – значительной фигуры в немецкой мысли, и его последователей: Х. Штайнтала, М. Лацаруса, В. Вундта, а также Г.Г. Шпета, А.А. Потемни и многих других. Если наследие Гумбольдта более или менее исследовано в отечественной мысли, то концепциям его ученика Х. Штайнтала, который также был известен в научном мире второй половины XIX в. как исследователь восточных и африканских языков, а также издатель «Журнала по психологии народов и языкознанию» (выходившего в 1860-х – 1900-х годах в Берлине), посвящено не так много трудов.

Хайман (Герман) Штайнталь (*Heymann Steintal*, 1823 – 1899) – безусловно, не самая яркая фигура в немецкой науке, но его наследие все же имело определенное влияние. Так, Р. Миллер указывает, что Штайнталь и его идеи в области этнопсихологии (*Völkerpsychologie*) повлияли на Ф. Боаса, который впервые представил саму идею лингвистической относительности американскому научному сообществу, и одним из учеников которого был Э. Сэпир, сформулировавший гипотезу лингвистической относительности в ее современном виде¹. Круг вопросов, которые затрагиваются в этом исследовании: взаимосвязь языка и мышления, первичность или вторичность одного по отношению к другому, «принцип действия» языка и семантическое освоение языковым сознанием действительности, момент возникновения языка в человеческом сознании. Попытки их решения самим Гумбольдтом и Х. Штайнталем в процессе развития языкознания и этнолингвистики и будут составлять предмет данной статьи. Предметное поле их исследований примечательно также своим междисциплинарным характером – оно идет на границах философии, психологии, антропологии, этнологии и языкознания.

Хотя своими основными исследованиями Гумбольдт занимался уже на склоне лет, однако идею об определяющей роли языка по отношению к мышлению можно найти уже в самых

ранних его работах. Еще в начале XIX века, посетив страну басков в Испании, Гумбольдт впервые обратил внимание на язык этого маленького народа, разительно отличающийся от других индоевропейских языков. В 1801 году в монографии, посвященной баскскому языку, он впервые установил, что «разные языки – это не различные обозначения того или иного предмета, а различные видения (*Ansichten*) его»².

Основной труд Гумбольдта «О различии строения человеческих языков» впервые ясно ставит в теоретическом языкознании вопросы о лингвистической относительности, т.е. о влиянии языка на мышление его носителей и зависимости картины мира человека от естественного языка, на котором он говорит. Но вопрос о зависимости языка от мышления поднимался в европейской философской мысли и ранее. Исторический контекст, в котором развивалось это учение – конец XVIII – начало XIX вв., время перехода от философии Просвещения, ставившей во главу угла разум, к эстетической парадигме Романтизма, провозгласившего культ чувственности; помимо этого определенное влияние на его учение оказали вызванные кантовской «коперниканской революцией» гносеологические споры.

Для мыслителей пред-Просвещения и Просвещения (Локк, Лейбниц) был характерен взгляд на язык как на «инструмент разума», т.е. как на нечто вторичное по отношению мыслительной способности человека. Кроме того, просветители, в частности Локк, полагали язык как инструмент коммуникации, созданный, «сконструированный» по договоренности коллективом носителей. Противоположную позицию занимали романтики: так, Гаман и Гердер указывали на то, что в человеке сама способность мыслить зависит от языка, а значит, язык не подлежит рационализации. Как отмечает Р. Браун, Гумбольдт, занимал по этому вопросу одностороннюю позицию, и его можно считать скорее продолжателем иррационалистической линии Романтизма, чем рационалистической линии Просвещения – Гердер был именно тем посредником, благодаря которому Гумбольдт усвоил идеи Гамана.

Таким образом, по мнению Брауна, Гумбольдт склоняется к романтической традиции: в противовес просвещению, выведшему язык из рациональной природы человека, романтики указывали на его «чувственную», аффективную природу. Язык, учили близкие к Романтизму мыслители, возник из первоначально неоформленных, инстинктивных выкриков, которые позже эволюционировали до уровня звуковых знаков. Эта линия в философии языка началась еще с Лукреция, а из просветителей ее придерживались Кондильяк и Руссо³.

Еще раньше, в небольшом эссе «О мышлении и речи»⁴ (1795), Гумбольдт определяет алгоритм мышления следующим

образом: поскольку мышление есть различение мыслящего и предмета мысли, дух, «представляя» предмет, должен объединить представляемое в некое *сущностное единство*. Полученные путем объединения представления человеческого духа сравнивает, соединяет и разделяет в мыслительных операциях: синтетических и аналитических. Базой же для мышления всегда являются «общепринятые формы нашей чувственности», в рамках которых и синтезируются наши представления. Язык играет в этом синтезе решающую роль: «*Чувственное обозначение единств* (курсив мой.— *Е.Р.*), с которыми связаны определенные фрагменты мышления для противопоставления их как частей другим частям большого целого как объектов субъектам, называется в широчайшем смысле слова языком»⁵.

Собственно, именно в связи с «синтезом» в понятии многообразия чувственного, можно говорить о «семантическом освоении» действительности человеческим сознанием. Алгоритм языкового освоения действительности в системе Гумбольдта выглядит следующим образом: выделяя ту или иную особенность, «сторону» предмета, человек стремится обозначить схожие предметы сходными звуковыми комплексами. Слово — не простое обозначение «образа» или «картины», которая возникает в сознании говорящего при произнесении того или иного слова, но — обозначение целого комплекса ощущений и представлений, которые возникают в сознании в связи с тем или иным понятием: «Все его разнообразные понятия и образы, все ощущения, возникающие при виде этого предмета, наконец, все, что внутри и вне нас с ним связано, может представиться духу, не рискуя при этом быть смешанным с чем-либо, так как скреплено одним-единственным звуком»⁶.

Именно этот процесс семантического освоения действительности человеческим сознанием Гумбольдт характеризует как «превращение мира в мысли» (*Verwandlung der Welt in Gedanken*). Как результат этого «превращения» в языке исторически закрепляется определенная система значений и понятий, происходит «преобразование» вне-языковой действительности в *понятия*, которыми оперирует человеческое сознание, в объекты сознания. В более поздних работах Гумбольдт даже более категоричен в своем определении этого «промежуточного мира»: он называет его «подлинной реальностью» (*wahre Welt*). Это реальность не столько объемлет названия предметов, сколько передает человеку *понятия* предметов. Из этого следует ключевое определение языка по Гумбольдту: «орган, образующий мысль» (*das bildende Organ des Gedanken*)⁷.

«Человек, — говорит Гумбольдт, — окружает себя звуком, чтобы понять и переработать мир вещей. Человек преимущественно — да и даже исключительно — поскольку ощущение и

действие у него зависят от представлений — живет с предметами так, как их преподносит ему язык... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из которого человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»⁸.

В этом отношении язык того или иного народа — его собственная самобытная позиция в видении мира, его *языковое мировидение* (*sprachliches Weltbild*). Это — «семантические ярлыки реальности», «семантические единицы», как характеризует их исследователь и критик гумбольдтианства Дж. Пенн, «семантические единицы», которыми для носителя языка определяется структура мира. Поскольку тот или иной язык — определенная позиция в видении мира, постольку, изучая особенности того или иного языка, особенности его логико-семантической группировки понятий, строения («*внутренней формы*»), можно получить представление об особенностях психологии народа-носителя этого языка. Нацию в рамках своей философской антропологии Гумбольдт вообще определяет как общность, характеризующуюся особым языком по отношению ко всему человечеству.

О проблемах, не разрешенных в системе Гумбольдта, можно сказать следующее: несогласие с просветителями, опиравшимися на разумно-договорную теорию языка (например, с Локком), привело к такому серьезному изъяну в гумбольдтовской системе, о котором говорит Дж. Пенн. Поскольку Гумбольдт отрицал, что язык был создан по коллективной договоренности, может возникнуть впечатление, что у Гумбольдта он просто «взялся ниоткуда» (*the language was one day suddenly there*), и что Гумбольдт скрывал свою неспособность объяснить этот феномен за эстетическими формулировками о «непроизвольной эманации духа». Исходя из этого, можно прийти к выводу, что, когда не было языка, не было и мышления. Еще одна проблема того же рода: с одной стороны Гумбольдт говорит, что без языка невозможно мышление, а с другой — что коллективное мышление нации создает язык. Очевидно, что язык существовал не всегда, и тогда можно прийти к выводу, что и мышление существовало не всегда. Но ведь именно попыткам объективации мышления язык обязан своим существованием⁹.

В связи с этим встает один из главных вопросов, не решенных в системе Гумбольдта — вопрос о возникновении языка. Гумбольдт характеризует язык как «первый акт рефлексии», благодаря которому человек «пробуждается к самосознанию», выходя из темницы аффектов, «чтобы внезапно остановиться, осмотреться и определиться», найти подходящий знак для того чтобы «объединить целое в совокупность единств»¹⁰. Этот процесс «определения в мире» и процесс наименования пред-

метов — одно и то же, ведь как только человек осознает предмет как нечто отличное от себя, он должен немедленно породить звук, его обозначающий.

Исследуя взаимоотношения языка и мышления и рассматривая эти взаимоотношения через призму этнопсихологического исследования, Штайнталь выступает как продолжатель дела Гумбольдта. Он же, особенно в поздних работах, становится критиком ряда положений теории Гумбольдта, указывая на то, что его учитель лишь обозначил основные проблемы лингвистической относительности, но не смог решить некоторые из них¹¹. В целом можно сказать, что Штайнталь во-первых удалось более глубоко исследовать такие вопросы гумбольдтовского учения, как освоение языковым сознанием окружающей действительности («превращение мира в мысли»), т.е. выявить алгоритм, сообразно которому происходит этот процесс, а также вопрос первичности или вторичности языка по отношению к мышлению. Кроме того, ему удалось решить проблему возникновения, или *сущностного начала* (Anfang) языка, которой Гумбольдт не уделил достаточно внимания.

Как было указано выше, учению Гумбольдта предшествовали взгляды, которые в современной истории языкознания называют *логицизмом*, т.е. взгляды на язык как на рациональный конструкт, вторичный по отношению к разуму. Штайнталь отвергает эту точку зрения, но для того, чтобы до конца понять его представления о языке, необходимо учесть и его полемику с современниками. В частности, речь идет об А. Шлейхере и К. Беккере, для которых был характерен взгляд на язык как на «живой организм»¹². В целом учение Штайнталья, будучи своеобразным и характерным продолжением гумбольдтианства, является также попыткой избежать крайностей как логицизма, так и натурализма, т.е. чисто «органического» подхода к языку, исследования его как «естественного» образования. Поскольку один из ключевых вопросов гумбольдтианства — вопрос взаимодействий языка и мышления — мы рассмотрим, в основном, как Штайнталь удалось избежать крайностей логицизма.

Но для начала скажем о синтетической природе языкового слова и понятия. Гумбольдт только в общих чертах говорит о синтетической силе языка, объединяющей эмпирический материал в понятийное единство. Штайнталь в этом вопросе идет дальше, указывая на решающую роль языка в познавательном синтезе и детально описывая этот процесс. Но если о влиянии Канта на учение Гумбольдта нельзя сказать однозначно, то в учении о языке Штайнталья влияние Канта заметней, прежде всего — в терминологии. Вслед за Кантом и Гумбольдтом

Штайнталь подчеркивает, что процесс познания — всегда взаимодействие *со-действие* (Mitwirkung) внешних и внутренних факторов: *априорных* и *апостериорных*. Они, хотя и не являются тождественными, но действуют всегда неразрывно, в *единовременном* акте. Наше дискурсивное мышление, согласно Штайнталью, именно поэтому принимает форму суждения: субъект в нем — априорный элемент, в то время как предикат — апостериорный. Этот априорный элемент, как изначально присущий нашему разуму, Штайнталь считает основной творческой силой, но его особенность состоит также и в том, что он не может действовать без материала, «приходящего» извне. То же видимое, но, согласно Штайнталью, не обоснованное противоречие мы видим при противопоставлении синтетического и аналитического методов: наше суждение неразрывно связано с оценкой места единичного в структуре общего (под «общим» можно также понимать априорную категорию, под «единичным» — конкретный объект, данный в опыте).

Акт мышления — установление единичного во всеобщем, но он есть осознание общего *одновременно* с осмыслением места единичного: это единый, фактически неделимый акт. Именно этот дуализм апостериорного и априорного, аналитического и синтетического методов, Штайнталь считает «необоснованным». В научном познании это лишь философские абстракции, а в реальности эти элементы никогда не действуют «оторвано» друг от друга: созидание знания основывается на их взаимопереплетении, взаимодействии, что станет ясно, если мы рассмотрим протекание языковых процессов. И снятие этого противоречия внешнего и внутреннего, общего и частного можно наблюдать именно в акте *именования* предмета. Это, согласно Штайнталью, единовременный, фактически неделимый акт объединения в понятии всего эмпирического многообразия схожих объектов, а также осознания места этого объекта среди множества схожих объектов:

«Это сохраняется и на начальных, самых низких формах знания, которые можно наблюдать в процессе словообразования, именовании предмета, в овладении словами, что можно наблюдать на примере развития детской речи. Тот, кто впервые назвал пещеру (Höhle — нем., хотос — греч., caulae — лат.) “пещерой”, т.е. “схватил” пещеру как таковую, должен был объединить в своем опыте ее с другими “полыми” предметами, о которых вспомнил в тот момент: дуплистым стволом дерева, стеблем (χαῖλος, caulis), чревом. И именно в момент установления общего он осмыслил каждое помещающееся в него единичное, а также — непосредственно данный объект восприятия. Человек видел различные вещи, имеющие некое общее качество, их как раз и характеризующее, но он еще не выделил это качество, еще не составил

себе определенное представление о предмете, еще не обратил внимания на сходство этих предметов на основе отношений этого качества. Это происходит одновременно, когда возникает восприятие, которое как раз и несет на себе это качество как таковое, бросающееся в глаза. Именно тогда представления о всех тех вещах, в которых имеется это качество, начинают соотноситься друг с другом, кристаллизуются и увязываются в общее представление об этом качестве. Такое соединение есть синтез, но оно в то же время анализ, развязывание, выделение данного качества из пучка качеств, которые составляют всякую вещь... Но как построение общего и постижение частного совмещаются в одном акте, так первое и второе суть и синтез, и анализ — и одно возможно только через другое. Ведь связывание непосредственно данного единичного с единичным, взятым из памяти, возможно только потому, что из комплекса признаков, из которого появляется каждый такой единичный элемент, вычлняются общие качества. Однако это вычленение проходит через объединение. Кажется, что синтез и анализ работают двусторонне, но на самом деле они суть один акт»¹³.

Общее, в котором осмыслено каждое единичное частное и есть важнейший элемент нашего сознания — *понятие*. В естественном языке оно закрепляется в виде того или иного слова. Процесс становления понятия Штайнталь определяет как высший уровень развития нашего сознания, в связи с которым можно говорить уже о настоящей интеллектуальной деятельности, воплощающейся в языковых структурах. И здесь мы подходим к вопросу о первичности или вторичности языка по отношению к мышлению, а также о *внеязыковых* формах мышления.

Именно в этом аспекте взгляды Штайнталья непосредственно свидетельствуют о его приверженности антилогицистской линии. У предшествующих Гумбольдту просветителей язык главенствует над мышлением. Гумбольдт больше склоняется к противоположному тезису: для него мышление возможно только благодаря языку. Что же до Штайнталья, то он занимает позицию дипломатического нейтралитета по этому вопросу, указывая, что язык не отделен от мышления, но также и не всегда связан с ним.

Наше обыденное, как и научное мышление — дискурсивно. Но не всякое мышление является дискурсивным: Штайнталь приводит примеры «мышления без слов» или любой другой «деятельности духа», в которой вмешательство языка не требуется: например, «начальные» ступени мышления (язык жестов). Не требуют вмешательства мышления и геометрические представления: они — то, что Штайнталь называет интеллектуальным созерцанием (*anschauendes Denken*). Но наше образное, «представляющее» (*vorstellendes*) мышление даже не столько связано с языком, сколько «погружено» (*versenkt*) в него»¹⁴.

Кроме того, Штайнталь считает необходимым разграничить в языке две стороны — звуковую и чисто интеллектуальную. Звуковую сторону (*Laut*) Штайнталь, как и Гумбольдт, считает «материей», «веществом» (*Stoff*) языка, которая *принадлежит* интеллектуальной стороне. Штайнталь считает, что может только показаться на первый взгляд, будто язык и мышление нераздельны и необходимы друг другу для реализации, как необходимы друг другу тело и дух, материя и энергия. Несмотря на то, что язык участвует в мыслительных процессах, не всякий процесс, который можно отнести к мышлению, требует его непосредственного вмешательства.

С точки зрения Штайнталья, любое отождествление языка и мышления, в частности логической и грамматической сторон мышления, является ошибкой. Прежде всего, он предлагает четко разграничить различные «уровни» мышления и выделить среди них те, в которых язык фактически не задействован. Таковыми Штайнталь считает, например, математическое и геометрическое мышление — форму интеллектуального созерцания (*Anschauung*), которое происходит без участия языка. Таковыми также являются «начальные» формы познавательных психических процессов, например, восприятие, которые у Штайнталья также подробно рассмотрены в «Проекте языкознания».

Итак, геометрические или математические представления представляют собой интеллектуальное созерцание, т.е. «независимое изображение (*Darstellung*) мысли, которое также может быть выражено и языковым способом»¹⁵. Они представляют собой «низшую», простейшую ступень мышления. Памятью, способностью к восприятию, созерцанию и категоризации обладают, к примеру, многие виды животных, способных отличить один предмет от другого, установить простейшую причинно-следственную связь или интерпретировать звуковые сигналы, исходящие от других животных. И все же в случае с животными о собственно языковой способности говорить нельзя.

Собственно язык полагается Штайнталем как «воплощение (*Verleiblichung*) мысли»¹⁶, о чем надлежит сказать подробнее. Вслед за Гумбольдтом, полагавшим, что языковая реальность преподносит человеку понятия предметов, Штайнталь говорит, что слово естественного языка — не столько сам объект, сколько запечатление в слове его образа; язык — своеобразное «зеркало», в котором отражается не столько мир, сколько наши представления о нем.

Еще до фиксации собственно представления наше сознание проходит такие стадии, как ощущение, восприятие, созерцание. Хотя даже на этих, «ранних стадиях», прежде всего на ступени ощущения, душа проявляет себя позитивно и творчески, «ограничивая» приходящий извне эмпирический материал восприятия, задавая ему определенную форму»¹⁷.

Но тот факт, что эти процессы, тоже относящиеся к мыслительным, могут проходить и без вмешательства языка, согласно Штайнталью, подтверждает раздельность языка и мышления. Если предположить, что язык — «изображение» нашей мысли (*Darstellung des Gedanken*), из этого не будет следовать, что формы мышления суть также формы языка. В языке, согласно Штайнталью, отображаются не столько сами мысли, сколько их элементы (*Bestandteile*) и отношения. Если язык представляет собой форму, в рамках которой развивается мысль, то последняя есть ее содержание. Языковые формы Штайнталь, как и Гумбольдт, разделяет на внешнюю (звук, *Laut*) и внутреннюю, которая «отлична от логической формы содержания как такового, как форма картины отлична от формы события, которое она изображает». Отсюда его знаменитое положение — «*категории языка и категории логики так же несовместимы, как понятия круга и красного*», ведь в грамматически верном предложении в субъекте и предикате могут находиться противоречащие друг другу понятия (например, «плывущий топор», «четырёхугольный круг»). А это означает, что язык воплощает свои формы независимо от логических форм мысли. Таким образом, «вполне естественно и органично то, что язык “не логичен”»¹⁸.

Итак, возможность интеллектуального созерцания, например, математического или геометрического, наличие у некоторых видов животных простейших «мыслительных» процессов, возможные противоречия между грамматической и логической сторонами языка — все это, согласно Штайнталью, говорит о том, что языковые и мыслительные структуры работают в нашем сознании совместно, но все же они не тождественны. Язык, по Штайнталью, не тождествен самому мышлению и отличен от мышления логического. Таким образом, в этом вопросе взаимодействия семантического и логического Штайнталь не предложил ничего нового, но существенно прояснил многие положения, выдвинутые Гумбольдтом. Очевидно Гумбольдт, говоря о зависимости мышления от языка, имел в виду *категориальность* мышления, не принимая во внимание, что мышление зависит не только от понятий, но и от структур, причем первые — содержание последних.

Именно такую мысль развивает Штайнталь, говоря о языковом материале как о *содержании* мышления, и здесь необходимо коснуться некоторых особенностей его лингвистической гносеологии. Даже на ранних стадиях мышления возможен переход к «словесным» его формам в том случае, если у воспринимающего наличествует само-сознание: «Различие сознания древнего человека и сознания животного состоит в том, что, даже когда содержание сознания все еще состоит из созерцаний, уже пробуждено само-сознание, т.е. представленное (*dargestellte*),

разделенное с другими (*mitgeteilte*) и осознанное созерцание. Здесь и начинается человечность»¹⁹.

В отличие от ощущения, восприятия и созерцания, *представление* являет собой уже чисто интеллектуальную деятельность, происходящую посредством языка, именно она и есть первое «проявление разума (*Intelligenz*) в языке»²⁰. На этой стадии начинается собственно языковое мышление: поскольку основные моменты, которые не могут репродуцировать созерцание даны сознанию дискурсивно, перед нами предстает образ, или картина, которую мы не можем созерцать, но тем не менее наслаждаемся ею. Таким образом, представление — это воспроизведение сознанием говорящего образа, который оно ранее получило в созерцании. Когда это происходит под влиянием языка, можно уже говорить о начале понимания одного человека другим и о подлинной коммуникации. У Гумбольдта присутствовала метафора языка как «музыкального инструмента», касаясь одних и тех же клавиш которого в своем интеллектуальном естестве, люди понимают друг друга. Похожая метафора присутствует и у Штайнталья: «Именно здесь движение сознания можно сравнить с нажатием на клавиши, и настоящая духовная игра происходит в непознанных глубинах души. Слова — суть клавиши»²¹.

Следующий уровень — мышление, которое оперирует уже не столько созерцаниями, сколько понятиями: «В противовес представлению, которое есть просто форма и изображение (*Darstellung*) содержания сознания, мышлением мы называем движение содержания знания (*Erkenntniss-Inhaltes*), через которое продуцируется и получается новое познание, и новое содержание»²².

Гумбольдт только указал на то, что язык превращает представление в понятия, Штайнталь описывает этот процесс более детально. Понятие, по Штайнталью, имеет не столько психическую, сколько «идеальную» природу: «Подобно тому, как колонны не являются естественной сущностью, так и понятие — не есть сущность психологическая. Язык, как и колонна — продукт искусства, он является не чем-то сформировавшимся естественно (*Gewordenes*), но содеянным (*That*), хотя и не без участия природы, но, вместе с тем и совершенно не против нее; тем не менее, он — свободное творение духа»²³.

Понятие уже представляет свободную работу духа, пусть и покоящуюся на природной основе. И процесс синтеза множественного эмпирического в единичном, процесс анализа-синтеза, происходящий одновременно, о котором было сказано выше, и есть этот процесс образования понятий. Для составления понятия порой требуется несколько образов, несколько слов, а значит — оно составляется не только из созерцаний как таковых, но также и из анализируемых и сопоставляемых

созерцаний и представлений. «Владение познания лежит в созерцаниях и понятиях в соответствии с их многоплановыми и многосторонними связями, слово — всего лишь средство ясного представления (*Vergegenwärtigung*) для сознания»²⁴. Процесс синтетически-аналитического словотворчества, описанный выше и есть процесс образования понятий как высшая ступень развития языкового сознания: соединение и разделение образов, выявление общего в частном.

Наконец, в последнюю очередь следует коснуться еще одной проблемы, не разрешенной до конца в системе Гумбольдта — проблемы *возникновения* языка. Вообще в его системе развитие языка происходит не в индивидуальном, но в коллективном сознании: коллективное мышление народа порождает язык и шлифует языковые формы. Но на существенный вопрос, *когда именно* начинается понимание одного человека другим, в системе Гумбольдта нет конкретного ответа: замечание о языке как о «первом акте рефлексии» не дает окончательной ясности: нет указания на то, в чем именно состоит этот акт. Если учесть, что в его концепции язык перекидывает своеобразные «семантические мосты» от одного человека к другому, то как определить, в какой именно момент некий первобытный человек понял своего собрата, ведь оба издавали не более чем эмоциональные, неоформленные крики?

Именно эту проблему достаточно оригинально решает Штайнталь: язык, говорит он, начинается, прежде всего, с понимания человеком *самого себя*. Человеческая *духовная сила* (точного определения которой у Штайнталья, кстати, не дано) изначально побуждает человека отвечать на каждое изменение, раздражение, приходящее извне вместе с тем или иным звуком. Эти произвольные *раздражения голоса* (*Anregungen der Stimme*) или «шум духа» (*Hauch des Geistes*), первоначально — естественный процесс²⁵. Штайнталь разделяет позицию, согласно которой язык происходит из первоначально неоформленных эмоциональных выкриков: язык — не столько «изобретение» (*Empfindung*) человека, сколько естественное возбуждение голоса.

Говорение — деятельность по освобождению (*Befreiungsthätigkeit*) от власти чувственных впечатлений. Но чем выше уровень развития языка, тем более учится человек не просто «произносить звуки», но и молчать, т.е. контролировать свою языковую способность. Но сам по себе акт «звуковой рефлексии», т.е. отражения в звуках внутренних движений души, еще не является языком. Человеку предстоит долгая и трудная работа связывания мысли с тем или иным звуком.

Таким образом, на первый план выходит вопрос о собственном происхождении языка, в связи с вопросом о том, что язык покоится на понимании. Прежде всего, понимание самого себя

есть творческий акт в языке и его отправной пункт: говорение означает, в сущности и прежде всего, само-понимание (*Selbstverstehen*), «стремление различить на слух собственные впечатления и представления». Это и есть начало языка — зачатка самосознания (*Selbstbewusstsein*), и в этом случае — также зачатка субъекта²⁶. Гумбольдт не указал это напрямую, делая упор на «интерсубъектную» природу языка, Штайнталь же указывает на субъективность истока языка, таким образом, решая вопрос о его происхождении. Уже на этом фундаменте «отраженный звук» (*Reflexlaut*) способен связываться с представлением.

И уже далее язык развивается в коллективе его носителей, т.е. людей, «организованных по одному принципу душевно и телесно»²⁷, ведь объект на них воздействует одинаково, а значит и отражение выступает в одинаковой форме. В этом случае работа «отраженного звука» многократно усиливается. А далее, в той мере, в которой человек ощущает себя понятым другими, он понимает и самого себя: вторичны по отношению к этому акту само-сознания как толкование или *означение* (*Deutung*) слышимого звука, так и стремление к говорению (*Mitteilung*), т.е. желание поделиться возникшей мыслью с окружающими.

Как отмечает Дж. Пенн, гумбольдтовское учение о взаимоотношении языка и мышления и о «семантических ярлыках», которыми для человека представлена действительность, является «экстремальным» вариантом гипотезы лингвистической относительности, а более поздние варианты этой гипотезы, предложенные, например, Э. Сэпиром, говорят, что язык не столько определяет мышление, сколько *влияет* на него²⁸. Действительно, если сравнить концепции Гумбольдта и Штайнталья, можно наблюдать не только прояснение некоторых ключевых положений, но и существенное «смягчение» наиболее радикальных тезисов линии Гумбольдта. Исследования Штайнталья, в которых ключевые вопросы взаимоотношений языка и мышления рассмотрены более подробно, чем у Гумбольдта, представляют интерес как для лингвистики, так и для современной философской антропологии.

Кроме того, можно сказать, что четкое разграничение Штайнталем языка и мышления также было новым шагом в развитии лингвистического релятивизма, так как подчеркивало независимость форм языка от форм мышления, которые полагались как единые и универсальные для всего человечества. Таким же продолжением релятивистской линии можно считать мысль Штайнталья о том, что язык происходит из изначально неоформленных звуков, которые человеческое сознание лишь постепенно учится контролировать. Общая тенденция, которую

можно наблюдать у Штайнталя, состоит в том, что понятие духа он противопоставляет как мышлению, указывая, что мышление — всего лишь один из видов духовной деятельности, так и чисто «природному», отграничивая естественное от духовного.

Это можно считать попыткой найти золотую середину между логицизмом и натурализмом в языкознании. Однако не все исследователи склонны считать, что эта попытка была удачной. Так, современный исследователь О.А. Радченко характеризует учение Штайнталя следующим образом: «Поиски противоречий, неясностей и “ошибок” у Гумбольдта — излюбленный метод его “интерпретации” Штайнталем, проблематичность которого заключается в том, что, установив в самом начале этой “интерпретации” свой собственный канон прочтения гумбольдтовых терминов, Штайнталь естественным образом не находил подтверждения их истинности в текстах Гумбольдта для последующего их анализа»²⁹. И все же некоторые находки Штайнталя даже при возможных неточностях в его интерпретации Гумбольдта можно считать достойными внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Miller R.* The Linguistic Relativity Principle and Humboldtian Ethnolinguistics. — Hague; Paris, 1968. — P. 11; а также: *Penny H.G., Bunzl M.* Worldly provincialism: German Anthropology in the Age of Empire. — Ann Arbor (Michigan): University of Michigan Press, 2003. — P. 82.

² *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. — М., 1985. — С. 9.

³ Подробнее см.: *Brown R.* Wilhelm von Humboldt's Conception of Linguistic Relativity. — Hague; Paris, 1967. — P. 51 — 90.

⁴ Браун утверждает, что это эссе отмечено влиянием Локка (см.: *Brown R.* Wilhelm von Humboldt's Conception of Linguistic Relativity. — P. 66).

⁵ *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 301.

⁶ Там же. — С. 305. Миллер указывает, что похожие мысли о возникновении языка высказывал еще Гердер: в основе возникновения языка лежит человеческая способность выделения, отражения определенных устойчивых признаков, которые оказывают влияние на сознание, и разница между языками — в выборе разных устойчивых признаков для обозначения предметов. Подробнее см.: *Miller R.* The Linguistic Relativity Principle... — P. 23 — 24.

⁷ *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. — С. 13.

⁸ Там же. — С. 80.

⁹ *Penn J.* Linguistic relativity vs. Innate Ideas. — Hague; Paris, 1972. — P. 19 — 21.

¹⁰ *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды. — С. 301.

¹¹ См., например: *Steinthal H.* Charakteristik der Hauptstaechlichen Typen des Sprachbaues. — Berlin, 1860.

¹² Подробнее о критических возражениях Штайнталя Шлейхеру см.: *Steinthal H.* Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. — Berlin, 1864.

¹³ *Романенко Е.К.* Предисловие к работе Х. Штайнталя «Проект языкознания» // Историко-философский ежегодник. 2008. — М.: Наука, 2010.

¹⁴ *Steinthal, H.* Abriss der Sprachwissenschaft. Teil 1. — Berlin, 1881. — S. 631.

¹⁵ *Ibid.* — S. 51.

¹⁶ *Ibid.* — S. 57 — 62.

¹⁷ *Ibid.* — S. 312.

¹⁸ *Ibid.* — S. 59 — 62.

¹⁹ *Ibid.* — S. 397.

²⁰ *Ibid.* — S. 433.

²¹ *Ibid.* — S. 435.

²² *Ibid.* — S. 447.

²³ *Ibid.* — S. 448.

²⁴ *Ibid.* — S. 451.

²⁵ *Ibid.* — S. 366.

²⁶ *Ibid.* — S. 370.

²⁷ *Ibid.* — S. 371.

²⁸ *Penn J.* Linguistic relativity vs. Innate Ideas. — P. 22.

²⁹ *Радченко О.А.* Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. — М., 2004. — С. 64.

Аннотация

Исследование представляет собой сравнительный анализ теоретических положений философии языка в системах В. фон Гумбольдта и одного из его учеников, Х. Штайнталя. Целью сравнительного исследования было проследить, в каких аспектах и каким образом философия языка Гумбольдта в дальнейшем развивалась Штайнталем. Основные общетеоретические вопросы, по которым сравнивались эти учения: связь языка и мышления, вопрос первичности или вторичности языка по отношению к мышлению, вопрос происхождения языка в сознании человека.

Ключевые слова:

язык, мышление, лингвистика, филология, этнопсихология, философия языка, немецкая философия, антропология.

Summary

This paper presents a comparative analysis of the major propositions of the language philosophy developed within the systems of Wilhelm von Humboldt and one of his disciples Heymann Steinthal. The purpose of this comparative research is to establish the ways and aspects in which Humboldt's language philosophy was further developed by Steinthal. The aspects of the above-mentioned philosophical systems, basing upon which the comparison was conducted are as follows: interrelations of language and intellection, the question of priority of language to the thought, the question of the subjective origin of language.

Keywords:

language, intellection, linguistics, philology, ethnic psychology, language philosophy, german philosophy, anthropology.